

ГЛБ
Газ 1-Р
1-ИЧ

«Восточное обозрение» 1888, 22 мая № 20
(Иркутск)

Мас. 1042₂

с. 8-9

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

«Съверный Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы», мартъ.

Въ одной своей недавней хроникѣ я указывалъ на двухъ писателей новѣйшаго времени — покойнаго Надеона и г. Короленко, какъ на такихъ, которые значительно скрашиваютъ бѣдность современной литературы, по сравнению съ прошедшей. Въ числу этихъ писателей мнѣ хотѣлось тогда присоединить и г. Чехова, но я не рѣшился сдѣлать этого, памятуя сравнительную незначительность и какъ-бы зачаточную форму его произведений. До сихъ поръ г. Чеховъ писалъ только небольшіе рассказы, скорѣе сценки, обратившія на себя вниманіе не столько внутреннимъ содержаніемъ, сколько удивительной природной даровитостью автора. Начавъ свою

литературную дѣятельность въ ничтожныхъ сатирическихъ листкахъ, г. Чеховъ въ короткое время приобрѣлъ серьезную извѣстность, особенно въ средѣ цѣнителей и знатоковъ литературы. Послѣ «Пестрыхъ рассказовъ», очень талантливо написанныхъ, но незначительныхъ по формѣ и по содержанію, онъ издалъ книжку: «Въ сумеркахъ», гдѣ его дарованіе становится уже на болѣе серьезную почву. Теперь, въ мартовской книжкѣ «Съвернаго Вѣстника», появилось новое произведение его: «Степь» (около 6-ти печатныхъ листовъ), въ которомъ онъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, значительный шагъ впередъ. Произведение это несомнѣнно является крушной литературной новинкой текущаго года; достаточно сказать, что по талантливости исполненія, если не по глубинѣ, оно соперничаетъ съ недавнимъ рассказомъ г. Короленко.

Трудно отнести новое произведение г. Чехова къ какому-либо определенному роду литературы. Это не повѣсть, даже и не рассказъ: самъ авторъ назвалъ его просто: «Описаніе одной поѣздки». Въ немъ подробно изображена поѣздка степью одного мальчика — сначала въ бричкѣ съ родными, а потомъ съ обозомъ въ компаніи возчиковъ, отправляемаго въ городъ для опредѣленія въ гимназію. Главный предметъ описанія, такъ сказать, главное дѣйствующее лицо рассказа — сама степь: ея природа, пейзажи и отчасти люди, населяющіе ее. Авторъ развертываетъ предъ нами, шагъ за шагомъ, грандіозную картину степи, полную воздуха и красокъ, то освѣщенную ярко солнцемъ, то затемненную облаками. Мы видимъ степь утромъ, и видимъ вечеромъ, ощущаемъ ея томящій полуденный зной, слѣдимъ за собирающимися на небѣ тучами, которыя съ трудомъ побѣждаютъ раскаленный воздухъ, чтобы разразиться мощной степною грозой. Въ описаніи г. Чехова, можно сказать, схвачены малѣйшіе оттѣнки степныхъ картинъ; оно отличается удивительной полнотою въ томъ смыслѣ, что авторъ удерживаетъ въ въ памяти и изображаетъ окружающее въ разнообразномъ воздѣй-

ствіи его на чело́вка, не ограничиваясь только зрительными впечатлѣніями. Зато люди, которые встрѣчаются въ разсказѣ, схвачены настолько лишь, насколько они успѣли обрисоваться за короткое время побѣдки, но все-таки схвачены вѣрно и мѣтко. Укажемъ, напр., на Варламова, который ничего почти не говоритъ, а только появляется и исчезаетъ; между тѣмъ вы ясно представляете себѣ его фигуру и чувствуете, что онъ составляетъ неотдѣлимую принадлежность стѣнной картины, какъ коршунъ, который кружить въ облакахъ.

Мы сказали, что въ новомъ своемъ произведеніи г. Чеховъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Съ этимъ едва-ли кто станетъ спорить, особенно, если мы оговоримся, что имѣемъ въ виду самую технику разсказа. Что касается содержанія, то оно попрежнему представляетъ рядъ сценъ, связанныхъ здѣсь не психологическимъ развитіемъ дѣйствія, но единствомъ мѣстности. Последнее въ данномъ произведеніи вполне умѣстно, почему и не портитъ общаго впечатлѣнія разсказа. Но полное ручательство въ дальнѣйшемъ развитіи г. Чеховъ дастъ тогда только, когда ему удастся выйти изъ рамокъ сценъ. Для этого ему нужно создать произведеніе, болѣе или менѣе крупное, основанное на развитіи и столкновеніи страстей и характеровъ. Попытки этого рода встрѣчаются въ его книжкѣ: «Въ сумеркахъ», но попытки очень робкія: произведенія этой книжки не больше, какъ наброски, хотя очень живые и талантливые. До сихъ поръ г. Чехову удалось проявить только необыкновенную силу и подвижность своего воображенія, но нельзя сказать, чтобы онъ овладѣлъ вполне своимъ талантомъ и умѣлъ направлять его свободно къ намѣченной цѣли. Новое его произведеніе, кромѣ обычной для автора силы таланта, свидѣтельствуетъ еще и о возрастающемъ умѣнии управлять имъ, но само по себѣ не составляетъ чего-либо крупнаго и законченнаго. Читая его не только съ удовольствіемъ, но даже съ увлеченіемъ, но по прочтеніи не остается впечатлѣнія опредѣленнаго и яснаго: оно не освѣщаетъ какого-либо уголка жизни, не будитъ нашихъ мыслей и чувствъ въ такой степени, въ какой ихъ будятъ, напр., произведенія г. Короленко. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что оно восхищаетъ поэтому больше знатоковъ, любителей литературы, чѣмъ массу публики. Г. Чеховъ еще весь въ будущемъ, и только можно сказать, дѣлая заключеніе на основаніи быстрого роста его таланта до сихъ поръ, что будущее предстоить ему блестящее. Въ дарованіи его особенно обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе предвзятыхъ взглядовъ, полная свобода его творчества,

это придаетъ его произведеніямъ особую ^{цену} ценность, если ему удастся вложить въ нихъ более глубокое содержаніе. [...]

А. Уманьскій

(А. А. Дробыш-Дробышевскій)